

DOI: 10.31857/S032103910013043-0

ГОРОДА ЮГО-ВОСТОКА РИМСКОЙ БРИТАНИИ: ИМПЕРИАЛИЗМ, ТРАДИЦИИ И ОСОБЕННОСТИ УРБАНИЗАЦИИ

А. Е. Барышников

*Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия*

E-mail: baryshnikov85@gmail.com

ORCID: 0000-0002-2343-8537

Статья посвящена проблеме урбанизации юго-востока римской Британии. В центре внимания находятся крупные города региона: Лондиний, Камулодун, Веруламий, Каллеа, Новиомаг, Вента бельгов и Дуроверн. Несмотря на значительные сходства в развитии каждый из рассматриваемых городских центров представляет собой особый вариант римско-британского урбанизма, специфика которого определялась несколькими группами факторов. Ключевые факторы можно условно обозначить как *римский* (деятельность провинциальной администрации, активность выходцев с континента), *бриттский* (воля и возможность местных элит включаться в процесс урбанизации, стремление бриттов, живущих в городах, сохранить свои идентичности) и *географический* (расположение поселения, его связь с системами коммуникаций, с доримскими центрами). В каждом конкретном случае римско-британского урбанизма влияние этих факторов оказывалось разным, что предопределяло специфику развития и судьбу поселения.

Ключевые слова: Лондиний, Камулодун, Веруламий, Каллеа, Новиомаг, Вента бельгов, Дуроверн, урбанизация, римско-британский урбанизм, римский империализм

Данные об авторе. Антон Ералыевич Барышников – кандидат исторических наук, научный сотрудник кафедры истории древнего мира и классических языков Института международных отношений и мировой истории ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ, проект № 20-18-00374.

ROMAN TOWNS OF SOUTH-EAST BRITAIN: ROMAN IMPERIALISM, BRITISH TRADITIONS, AND THE FEATURES OF PROVINCIAL URBANIZATION

Anton Ye. Baryshnikov

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

E-mail: baryshnikov85@gmail.com

Acknowledgements: Russian Science Foundation, project no. 20-18-00374

The paper considers the urbanization of South-East Roman Britain. It is focused on the so-called ‘major’ towns: Londinium, Camulodunum, Verulamium, Calleva, Noviomagus, Venta Belgarum and Durovernum. Despite some general features which one can detect in the urban development of the region, each town presents a special case in Romano-British urbanism, largely determined by a number of factors. Key factors can be labelled as ‘Roman’ (the activity of the provincial administration, the influence of migrants from the continent who settled down in towns), ‘British’ (the will and ability of local elites to participate in urbanization and urban life, the presence of local population retaining their identities and traditions in urban communities) and ‘geographical’ (the location of the settlement, its relation to the existing system of communication and trade, connections with the ‘old’, pre-Roman settlements and centres of religious activity). The pieces of the urban puzzle were laid out in different ways in every case in the south-east of Roman Britain, shaping the development and fate of each town.

Keywords: Londinium, Camulodunum, Verulamium, Calleva, Noviomagus, Venta Belgarum, Durovernum, urbanization, Romano-British urbanism, Roman imperialism

Римский период в истории Британии связан с целым рядом социокультурных, политических и экономических трансформаций. Сущность и характер этих перемен в последние десятилетия стали предметом жарких дискуссий, в которых ряд исследователей настаивал на отказе от привычных оценок и критическом переосмыслении феномена римского империализма. Главной жертвой теоретических сражений пала идея «романизации», такая родная и близкая большинству представителей римско-британской историографии двадцатого века. Еще недавно казавшаяся понятной и убедительной концепция получила ранения, едва совместимые с полноценной жизнью¹.

¹ Краткий обзор дискуссии, не ограничивающейся только римско-британским материалом, см. Baryshnikov 2012a, 2012b, а также 2020. Для понимания современного состояния проблемы и возможных перспектив развития см. новейшую статью Владимира Михайловича (Mihajlović 2019). Отметим, впрочем, что отказ от использования понятия «романизация» и связанных с ним теоретических подходов характерен прежде всего для британской и нидерландской исследовательских школ. Несмотря на то, что на современном этапе к дебатам активно подключились представители других национальных традиций изучения римских провинций и империализма, «антироманизационный» дискурс вряд ли можно признать универсальным для мирового антиковедения.

Впрочем, радикальный пересмотр устоявшихся представлений о процессе превращения острова (равно как и других регионов империи) в часть римского мира затронул не все тезисы, традиционные для рассказов о римской экспансии и ее последствиях. Среди уцелевших оказались сформулированные еще Ф. Хэверфилдом положения об инициированной Римом урбанизации Британии и особой роли городов в социокультурной трансформации региона². Развитие провинциальных городских центров по-прежнему рассматривается в тесной связи с культурно-экономическими и политическими аспектами римского империализма, а сам феномен римско-британского урбанизма понимается как один из непосредственных результатов римской экспансии³.

ОСТРОВ, ГОРОДА И ИМПЕРИЯ

Взгляды на сущность процесса урбанизации не оставались неизменными⁴. В течение долгого времени господствовало представление о ключевой роли военного фактора в появлении и эволюции городов. Так, Г. Уэбстер, Ш. Фриэр и Дж. Уочер связывали основание и дальнейшее развитие городов с перемещениями частей римской армии и их непосредственным участием в создании провинциальной инфраструктуры⁵. Согласно такой модели, ключевая роль в урбанизации отводилась Риму и его инициативе; города обычно появлялись на месте постоянных лагерей (как колония в Камулодуне), оставленных войсками, либо вырастали из прилегавших к укрепленным пунктам канаб (как в случае с Эбораком). Иная схема была предложена М. Миллеттом, который выдвинул тезис об активном участии бриттских элит в процессах социокультурной трансформации острова. Возникновение городов и распространение городского образа жизни, по его мнению, было во многом связано с желанием части бриттов встроиться в новую реальность, создаваемую империей⁶. Развивая идею о самостоятельной роли бриттских элит, стремившихся перенять элементы имперского образа жизни, Дж. Крайтон дополнил и усложнил построения Миллетта, связав появление ряда поселений юга и востока Британии с деятельностью конкретных правителей и династий, контролировавших данные территории накануне римского вторжения⁷.

Подобное изменение интерпретаций в купе с расширением источниковой базы ставят перед исследователями вопрос о сущности феномена урбанизма в римской Британии. Была ли урбанизация острова единообразным процессом, направляемым и управляемым Римом и/или местными элитами? Какие факторы определяли конкретные варианты развития римско-британских городов?

² Haverfield 1923, 14–15.

³ Насколько можно судить, это верно не только для исследований римской Британии, подобные взгляды являются частью общепринятого понимания римского империализма и влияния Римской империи на покоренные территории: см., например, Revell 2009, 42–44; Morley 2012, 55–57; Burton 2019, 87–89.

⁴ Краткий, но содержательный обзор см. Creighton 2006, 71–78.

⁵ Webster 1966; Frere 1987, 230–231 (первое издание — 1967 г.); Wachter 1975.

⁶ Millett 2005, 75, fig. 20 (со ссылкой на Millett 1984). Стоит подчеркнуть, что Миллетт не отрицал «военного» фактора в урбанизации провинции, но указывал на ответственность политической организации обществ доримского и римского времени.

⁷ Creighton 2006.

Представляется важным рассмотреть эти вопросы на материале крупных городских центров юго-востока Британии, основание которых относится к первым десятилетиям существования провинции: Лондиний, колонии ветеранов в Камулудуне, Каллеве, Новиомаге, Венте бельгов, муниципии Веруламий, Дуроверне⁸.

Выбор Юго-Востока не случаен. Данный регион, часто обозначаемый в литературе как *core-region*, включает территории, испытывавшие на себе более длительное и глубокое влияние римского мира, чем любая иная часть Британии⁹. Именно Юго-Восток был главной целью походов Цезаря и Клавдия, и само географическое положение предопределило его центральное место в будущей провинции. Позже, с постепенным продвижением Рима на запад и север Британии регион стал центром мирной жизни, свободным от сколь-нибудь значимого военного присутствия. Таким образом, именно на юго-востоке Британии мы можем наиболее последовательно и полно проследить историю провинциальных городов от момента их зарождения, практически совпавшего с административной реорганизацией покоренных земель, до самого окончания периода римской власти, выявить факторы, влиявшие на их судьбы, выделить общее и особенное в их развитии.

СЛОВА И АРТЕФАКТЫ: СОСТОЯНИЕ ИСТОЧНИКОВ

Свидетельства античной традиции о городах римской Британии фрагментарны. Лишь три города Юго-Востока — Камулудун, Лондиний, Веруламий — упоминаются Тацитом, который, описывая их незавидную судьбу во время восстания Боудикки, кратко характеризует обстоятельства основания и развитие упоминаемых поселений (Тас. *Ann.* XIV. 32–33)¹⁰. Другие города региона упоминаются в «Географии» Птолемея и Итинерарии Антонина. Благодаря этим кратким сообщениям возможно установить официальный статус городских центров и соотнести их с конкретными племенами и административными единицами провинции¹¹.

Еще одну группу источников составляют надписи. В сравнении с другими провинциями империи их число невелико, хотя полевые исследования последних десятилетий (здесь стоит особенно отметить находки Блумберговых табличек в Лондоне) способствовали количественному и качественному обновлению корпуса данных¹². Распределение эпиграфических свидетельств неравномерно и само по себе выглядит интересной иллюстрацией развития римско-британского

⁸ Современные Лондон, Колчестер, Силчестер, Чичестер, Уинчестер, Сент-Олбанс и Кентерберри соответственно.

⁹ О понятии «*core-region*» применительно к юго-востоку Британии см. Cunliffe 2005, 123; ср. Hill 2007, 16–18.

¹⁰ Различные взгляды на ценность и значение античной традиции для изучения проблема социокультурной трансформации римской Британии см. Mattingly 2006, 26–37; Hurst 2016.

¹¹ Mattingly 2006, 30–32. Стоит отметить, что традиция применения понятия «*tribe*» (племя) к этнокультурным общностям древней Британии сейчас подвергается вполне обоснованной критике. См. Moore 2011.

¹² Публикация Блумберговых табличек, обнаруженных во время охранных раскопок в Лондоне в 2010–2014 гг., осуществлена Р. Томлином (Tomlin 2016). Благодаря ей в распоряжении исследователей оказалось 80 новых эпиграфических памятников Лондиния.

урбанизма. Подавляющее большинство надписей (около 700) ожидаемо приходится на Лондинию, торговый и административный центр острова. В случае с остальными городами исследователи вынуждены довольствоваться значительно меньшим объемом данных: для Камулодуна известно 240 надписей, для Каллевы — 155, Ветуламия — 113, Дуроверна — 93, Новиомага — 62, и лишь 17 эпиграфических памятников связано с Вентой бельгов¹³. Большинство сохранившихся текстов фрагментарны и кратки, но даже в таком состоянии они позволяют реконструировать ключевые фазы урбанизации региона и проанализировать отдельные аспекты городской жизни.

Наконец, важнейшее значение в общем массиве источников имеют результаты археологических исследований: артефакты и экофакты, остатки строений, отдельные погребения и некрополи, результаты геофизических наблюдений и аэрофотосъемки. Картина распределения этих свидетельств напоминает ситуацию с эпиграфическими источниками: благодаря регулярным археологическим проектам и охранным работам римский Лондон изучен едва ли не больше, чем любой другой город империи¹⁴. Исследователям также хорошо известны отдельные районы древних Каллевы (на месте которой, к счастью для археологов, не возникло позднейших поселений), Камулодуна и Ветуламия; несколько хуже обстоит дело с римскими древностями Чичестера, Уинчестера и Кентербери. Корпус материальных источников, постоянно обновляемый и пополняемый благодаря археологическим изысканиям, позволяет увидеть аспекты городской жизни, незаметные по данным эпиграфики и античной традиции, и является главной движущей силой процесса переосмысления римско-британского урбанизма¹⁵.

При общем взгляде на источники, имеющиеся в распоряжении исследователей римских городов юго-востока Британии, возникает соблазн посетовать на фрагментарность и недостаточную ясность важнейших текстуальных свидетельств, своеобразный характер и «немоту» вещественных памятников, общую неравномерность территориального распределения доступных нам данных. Подобные сожаления лишь отчасти справедливы. В сравнении с другими поселениями римской Британии (за исключением, пожалуй, Йорка/Эборака) городам Юго-Востока повезло: их жизнь нашла отражение в свидетельствах самого разного типа и происхождения, что, при комплексном подходе к изучению данных, помогает исследователям достаточно полно реконструировать региональный урбанизм.

ГОРОДА ИЗВЕСТНЫЕ И НЕИЗВЕСТНЫЕ

Историографическую ситуацию с городами юго-востока провинции можно охарактеризовать выражением «много, но мало». Часть рассматриваемых городов, прежде всего Лондиния, Камулодун, Ветуламий и Каллева, неоднократно привлекала

¹³ Подсчеты и распределение памятников см. Mattingly 2010, 58, tab. 1. Цифры, приведенные в тексте, учитывают, насколько это возможно, все опубликованные надписи вплоть до сентября 2020 г. (времени сдачи в печать ежегодного дайджеста надписей римской Британии, подготовленного Томлином: Tomlin 2020).

¹⁴ Такое мнение приводится, в частности, в недавних работах Л. Уоллес и М. Миллетта (Wallace 2015, xiv; Millett 2016).

¹⁵ Fulford 2015a; Hurst 2016, 112; Swift 2016, 84–86; Wilson 2016, 56–57.

внимание исследователей¹⁶. Меньше повезло Новиомагу, Дуроверну и Венте бельгов, которые довольно редко становились объектами специального изучения¹⁷.

Хотя истории возникновения и развития отдельных центров региона достаточно хорошо изучены, до недавнего времени практически отсутствовали попытки изучить и теоретически осмыслить урбанизацию Юго-Востока и провинции в целом. В последние 15 лет положение дел начало меняться, благодаря появлению ряда монографий, в которых затрагивались различные аспекты урбанизации Британии и предпринимались попытки перейти к синтезу имеющихся данных. Уже упоминавшийся Дж. Крайтон помещает процесс урбанизации Юго-Востока (прежде всего на примере Новиомага, Камулодуна и Веруламия) в исторический контекст доримской Британии, связывая появление городов как с влиянием Рима, так и с разными политическими практиками местных элит¹⁸. М. Питтс и Д. Перринг, используя прежде всего юго-восточный материал, рассматривают первые века урбанизации с несколько иной стороны и помещают города в центр комплекса процессов производства и потребления. Именно изменения хозяйства позволяют исследователям дать свою интерпретацию сложного и неоднозначного места городских центров в социально-экономической и культурной трансформации региона¹⁹. Судьба римско-британского урбанизма в период поздней античности анализируется А. Роджерсом, который попытался оспорить общепринятый тезис о кризисе и упадке городов в IV в.²⁰ Ему же принадлежит монография, в которой рассмотрены связи провинциальных городских центров с водоемами и влияние последних как на городское пространство, так и на жизнь городского населения²¹. Схожие аспекты — взаимоотношения городов, природных водоемов и искусственных сооружений, без которых невозможно функционирование крупного поселения в империи — стали объектом исследования в книге Дж. Ингейта²². Работы Роджерса и Ингейта не сфокусированы исключительно на юго-восточных материалах, хотя они в силу состояния источниковой базы и объективного

¹⁶ Ср., например, Wallace 2015; Hingley 2018; Niblett 2001; Crummy 1997; Fulford 2015b. Отметим, что вплоть до последнего времени единственной обобщающей книгой по римско-британскому урбанизму была монография Джона Уочера, первое издание которой увидело свет в 1970-х годах (Wacher 1975). Общий обзор историографии изучения городов юго-востока римской Британии см. Baryshnikov 2016b. В отечественной историографии тема до недавнего времени оставалась практически неизученной: помимо статьи М.С. Садовской о Камулодуне, опубликованной в начале 1990-х годов, можно назвать две диссертации, защищенные уже в XXI в. (см. Sadovskaya 1991; Tikhonova 2005; Baryshnikov 2016a).

¹⁷ Впрочем, ситуация с этими городскими центрами, как кажется, меняется в лучшую сторону: ср. Weekes 2020; King 2020; Biddle 2020. Насколько нам известно (Weekes, личное сообщение), в ближайшее время начнется работа над большой коллективной монографией, посвященной римскому Кентерберии. В ней планируется переосмыслить имеющиеся в современной историографии представления о типично римском городе.

¹⁸ Creighton 2006, 123ff.

¹⁹ Pitts, Perring 2006; Perring, Pitts 2013.

²⁰ Rogers 2011.

²¹ Rogers 2013.

²² Ingate 2019.

значения региона для развития провинции играют важную роль в их реконструкциях и интерпретациях²³.

Несмотря на заметные позитивные сдвиги в изучении городов юго-востока римской Британии и римско-британского урбанизма в целом, задачи обобщения, критического пересмотра существующих реконструкций и применяемых методологий, выявления региональной и провинциальной специфик происходивших трансформаций, создания новой истории городов Юго-Востока, в полной мере учитывающей множественные контексты (региональный, племенной, политический) урбанизации в римское время, остаются чрезвычайно актуальными.

ОТ ОСНОВАНИЯ К ГИБЕЛИ: ХРОНОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ ГОРОДОВ РИМСКОЙ БРИТАНИИ

Прежде всего, необходимо кратко охарактеризовать основные этапы исторического развития городов юго-востока римской Британии:²⁴

а) с 43 по 50-е годы. Первое десятилетие римской власти, на которое приходится основание большинства городских центров (на данный момент нет ясности со временем и обстоятельствами возникновения Венты, хотя римское присутствие, относящееся к самому раннему периоду завоевания, зафиксировано). Облик первых городов обладал схожими чертами: регулярной планировкой улиц, комплексами форума и базилики, общественными зданиями;

б) 60-е годы. В этот период развитие городов, как и региона в целом, было нарушено восстанием Боудикки. Тацит упоминает о разорении восставшими трех городов провинции: колонии в Камулодуне, Лондиния и Веруламия (Тас. *Ann.* XIV. 32–33). В целом достоверное описание разрушений, приводимое Тацитом, в некоторых деталях все-таки расходится с археологическим материалом. Так, вполне вероятно, что Веруламий был покинут своими жителями до появления восставших и потому не был разрушен подобно Лондинию и Камулодуну²⁵. С другой стороны, недавние исследования в Силчестере обнаружили следы пожаров, которые ученые склонны связывать с восстанием Боудикки²⁶. Так или иначе, восстание серьезно повлияло на развитие юго-восточного урбанизма: за разрушением последовало десятилетие, характеризовавшееся снижением хозяйственной активности и общим упадком. Счастливым исключением здесь стал Лондиний: поселение на берегу Темзы восстанавливалось быстро, во многом

²³ Стоит также отметить, что именно Роджерс подготовил обзорную статью для недавней коллективной монографии о римской Британии: Rogers 2016.

²⁴ В общих чертах этой периодизации придерживается большинство исследователей: она логична, вполне соответствует данным источников и хорошо увязывается с общей хронологией провинции. С последним обстоятельством можно связать отсутствие в публикациях отдельных разделов, посвященных именно хронологии урбанизма. Термины, обозначающие тот или иной период в развитии городов («Claudian», «Flavian», «Antonine»), используются как всем понятные и не требующие отдельных пояснений. Это хорошо заметно, в частности, в обеих редакциях монографии Уочера (Wacher 1975, 1995).

²⁵ Подобное подозрение, как кажется, подтверждает одна из обнаруженных в Лондоне табличек (Tomlin 2016: WT45), в которой упоминается поставка продовольствия из Веруламия в Лондиний в 62 г. См. также: Hingley, Unwin 2006, 96; Hoffmann 2013, 101–102.

²⁶ Fulford, Timby 2000, 568–569; Hoffmann 2013, 102.

благодаря политике провинциальной администрации, решившей сделать его центром возрождающихся территорий (и в частности прокуратора Юлия Классициана, известного как по сообщениям Тацита, так и по надгробной надписи из Лондиния: Тас. *Ann.* XIV. 38. 4; *RIB* I. 12);

е) 70–90-е годы. Новый этап в развитии юго-восточного урбанизма примерно совпадает со временем правления династии Флавиев. С некоторой долей условности этот период можно назвать временем возрождения городов региона, наступившим во многом благодаря политике провинциальных властей (каноническое описание этой политики культурного империализма дано Тацитом в «Жизнеописании Агриколы» — Тас. *Agr.* 21). Города пережили перепланировку, общественные здания были отстроены заново (частично в дереве, частично в камне), произошло заметное оживление хозяйственной жизни. В этот период города, по-видимому, начинают играть большую роль в провинциальной системе власти: Камулудун, сохранив свой статус колонии ветеранов, фактически утратил значение провинциальной столицы (которое теперь перешло к Лондинию), Веруламии и, возможно, Лондиний получили статус муниципия²⁷, Каллева, Новиомаг, Дуроверн и Вента стали центрами *civitates*, административных округов, во многом совпадавших с прежними племенными границами;

з) II–III вв. Это время стало периодом подлинного расцвета городов: они растут, постепенно перестраиваются, приобретая все больше черт типичного провинциального города Римской империи. Отдельные неурядицы, подобные пожарам в Лондинии и Веруламии, не оказывали сколь-нибудь серьезного влияния на развитие городов;

д) IV в. Последний этап характеризуется постепенным упадком и запустением городских поселений (так, Каллева уже в следующем столетии оказалась заброшена); причины этому, конечно, следует искать не в жизни самих городов, а в связи с судьбой провинции и империи, переживавших глубокий кризис²⁸.

Сходства и общие линии в развитии урбанизма на юго-востоке Британии не должны заслонять собой различия, определявшиеся — с самого основания и до конца римского времени — целым рядом факторов. Определить эти факторы можно, если обратиться к анализу отдельных аспектов урбанизации Юго-Востока. Важнейшими для понимания общего и особенного в судьбе городов римской Британии, на наш взгляд, являются вопросы об обстоятельствах и политическом контексте основания поселений и этнокультурном составе населения.

²⁷ Вопрос о формальном статусе Лондиния остается до конца неясным. Многие исследователи допускают, что город мог стать муниципием после 80 г. (см., например, Millett 2016). Томлин, опираясь на эпиграфические свидетельства, полагает, что в начале II в. Лондиний мог стать колонией (Tomlin 2006).

²⁸ Попытка переосмыслить (и оспорить) существующие представления об упадке городов римской Британии предпринята Роджерсом в уже упоминавшейся монографии (Rogers 2011). Его мысль о необходимости более детальной реконструкции позднейших периодов существования городских центров провинции кажется вполне разумной, чего не скажешь о попытке заменить концепцию «кризиса» идеей «перемен». Критику подхода Роджерса см. Fulford 2013.

ДОБРОВОЛЬНО-ПРИНУДИТЕЛЬНО? ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ УРБАНИЗАЦИИ
ЮГО-ВОСТОКА РИМСКОЙ БРИТАНИИ

Благодаря данным античной традиции и археологическим изысканиям современные исследователи могут — с относительной точностью — реконструировать обстоятельства основания большинства городов Юго-Востока (как уже упоминалось, исключение составляет Вента бельгов). На ранних этапах урбанизации только появлявшиеся поселения оказывались связаны с доримскими территориальными *oppida* — дисперсными поселениями с нерегулярной планировкой и хаотической застройкой²⁹. Характер и сущность этих связей были различны. Колония ветеранов в Камулодуне была основана на месте легионного лагеря, который, в свою очередь, был устроен в центре оппидума триновантов. Она не заменила бриттское поселение, но сосуществовала с ним; в другой части оппидума, в районе Шипен, жизнь обитателей не претерпела серьезных изменений; сакральный комплекс в Госбекс, возникший еще в доримское время, сохранил свое значение религиозного центра. Улицы и общий план римского Веруламия были ориентированы на район Фолли лэйн, где находилось богатое погребение позднего доримского (или раннего римского) времени. Интересный пример римско-британского урбанизма представляет Каллева, где местные элиты, по-видимому, стремились хотя бы отчасти копировать римские стандарты городского устройства. Здесь попытки создать поселение с регулярной планировкой предпринимались за несколько десятилетий до римского завоевания, в начале I в. Римский город стал прямым преемником доримской Каллевы: новая планировка, новые здания и улицы постепенно сменяли структурные элементы бриттского поселения. Похожим образом — но без попыток создать регулярную планировку до прихода Рима — развивались Новиомаг и Дуроверн. Единственным городом, не связанным с доримским временем, был Лондиний, основанный на слабо освоенной, пограничной территории, разделявшей земли различных племен. Местность на берегу Темзы, свободная от сколь-нибудь значимых бриттских поселений, своим удобным расположением привлекла римскую администрацию и торговцев с континента. Возникнув как стратегически важный военный пункт и торговое поселение, Лондиний с самого начала своей истории был в большей степени римским, чем бриттским городом³⁰.

Кто выступал в качестве главной движущей силы урбанизационных процессов? Самый очевидный ответ — римляне. Но он верен лишь отчасти. Действительно, появление Лондиния и колонии в Камулодуне было непосредственным

²⁹ В последнее десятилетие исследователи все чаще предпринимают попытки либо наполнить понятие «территориальные *oppida*» смыслом, более адекватно отражающим его сущность, либо отказаться от его использования. См. Pitts 2010; Moore 2017; Garland 2020.

³⁰ В данном случае мы не касаемся продолжающейся в науке дискуссии о том, какие факторы были основными при основании Лондиния: торговые или военные (основные точки зрения см. Creighton 2006, 93–95; Perring 2011; Wallace 2013; Millett 2016. См. также короткую реплику Р. Хингли: Hingley 2018, 25–27). Для нас важнее, что город появился благодаря деятельности Рима и выходцев с континента, а не в силу активности местного населения.

результатом действий провинциальной администрации. Поселение ветеранов было создано в 49 г. Осторием Скапулой, наместником провинции (Тас. *Ann.* XII. 32), в то время как Лондиний, пришедший в себя после восстания Боудикки, заслужил особое внимание Юлия Классисиана, прокуратора провинции, ответственного за восстановление территорий, пострадавших от восстания и его подавления. Вероятно, во многом благодаря его деятельности изменились роли городов в системе властных и хозяйственных отношений: Камулодун утратил значение провинциальной столицы, уступив первенство Лондинию. Оба случая, и Камулодун и Лондиний, показывают, что римская администрация в принятии решений об основании поселений отталкивалась от политического и территориального контекста. Колония была основана на территории, подконтрольной наиболее могущественным (и потенциально враждебным) племенам бриттов, чтобы служить символом новой, имперской власти и обеспечивать контроль покоренных территорий³¹. Ставка на Лондиний могла быть обусловлена как его удобным расположением, так и политическим расчетом: на землях, свободных от традиционной власти какого-либо бриттского сообщества, можно было не опасаться потенциальных выступлений против империи.

Впрочем, появление большинства городов не было просто результатом действий «цивилизованных» римлян; значительную (а в некоторых случаях и определяющую) роль в урбанизации сыграли местные элиты. Так, представитель знати, погребенный в Фолли лэйн (это погребение будет играть важную роль в религиозной жизни муниципия Веруламий), мог быть лидером проримски настроенных катувеллаунов и оказаться причастным к основанию поселения; подобное предположение объясняет, почему его погребение, остававшееся на протяжении столетий важнейшим культовым центром, было так важно для жизни муниципия³². С большей уверенностью мы можем говорить о роли Тиберия Клавдия Тогидубна, лояльного Риму царя, имя которого встречается в тексте «Агриколы» и надписи из Чичестера (Тас. *Agr.* 14; *RIB* I. 91)³³. Он управлял племенами регнов, атребатов и бельгов и, судя по данным археологии, был непосредственно причастен к возникновению римских Каллевы, Новиомага и Венты. Черепичные клейма с именем Нерона, обнаруженные при раскопках в Каллеве, указывают, что Тогидубн не только вкладывал в процесс переустройства региона собственные средства и силы, но сумел заручиться поддержкой императора (*RIB* II. 2482.2–5)³⁴. Такое объединение усилий местной элиты и римской администрации приводило к смешению в облике провинциальных городов римских (регулярная планировка улиц, комплексы общественных зданий, строившихся по континентальным образцам) и бриттских (круглые дома,

³¹ Согласно античной традиции, территории вокруг Камулодуна были заселены племенем триновантов, которые то ли находились в союзе, то ли были подчинены племенем катувеллаунов. К сожалению, на данный момент археологически определить, чем тринованты отличались от катувеллаунов невозможно. См. Pitts, Perring 2006, 193.

³² Niblett 1999; Creighton 2001, 403. Несколько иную интерпретацию предлагает Мартин Питтс, доказывающий, что погребение следует связывать не с местной аристократией, а с римскими вспомогательными войсками. См. Pitts 2014.

³³ О Тогидубне, его судьбе и карьере см. Baryshnikov 2015.

³⁴ Fulford 2008, 5–6.

традиция сооружения которых восходила к железному веку) элементов. Подобный синтез римского и бриттского начал в облике и развитии городов сохранился и после смерти Тогидубна, когда его владения были включены в состав провинции в форме трех территориально-административных округов.

Итак, политический контекст урбанизации оказывается не таким простым, как может показаться по знаменитому пассажиру из «Агриколы». Возникновение и развитие римско-британского урбанизма определялось не только действиями провинциальной администрации, но также желаниями и возможностями местной знати участвовать в происходивших переменах.

«БРИТТЫ» И «РИМЛЯНЕ»: В ПОИСКАХ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Социальные аспекты римско-британского урбанизма, пожалуй, можно отнести к числу наименее изученных в историографии провинции. Население городских центров, проблемы структуры и этнокультурной идентичности редко становилась предметом специального внимания исследователей. Исключение, пожалуй, составляют разделы в монографиях Э. Берли и Д. Мэттингли, написанные в разное время и на основе разных методологий: в первом случае целью является анализ различных социальных групп, во втором — реконструкция различающихся идентичностей³⁵. В подавляющем же большинстве публикаций на первом плане находятся городское пространство и архитектура, хозяйство и технологии. С некоторой долей художественного преувеличения можно сказать, что города в исследованиях — это стены, дороги и здания, но не люди, которые в них трудились, жили и умирали.

Причины такой ситуации следует искать в особенностях источниковой базы. Самые говорящие источники по данной проблематике — надписи — оказываются редким блюдом на столе исследователя. Сохранилось лишь несколько эпиграфических свидетельств, на основе которых можно делать выводы о культурной и этнической принадлежности обитателей городов; стоит отметить, что эти свидетельства касаются лишь небольшой части городского населения. И тем не менее даже не слишком массовая выборка недвусмысленно указывает на мультикультурный и полиэтнический характер крупных городов Юго-Востока. В текстах надписей встречаются выходцы из Италии и Африки (как Марк Фавоний Фацилис и его раб Гимилькон — *RIB I. 200*), из Галлии (подобно неоднократно упоминавшемуся уже Юлию Классисиану и его супруге Юлии Пакате), германских земель, из Фракии (как Лонгин Сдапез — *RIB I. 201*), неназванные члены *collegia peregrinorum* в Каллеве (*RIB I. 69–71*)³⁶. Кроме того, корпус эпиграфики (и прежде всего малые бытовые надписи) содержит типичные имена, которые встречаются в западных провинциях империи (например, Юлий Беллатор — *RIB II, 2419.116*), а также, несколько реже, кельтские имена, которые могли принадлежать как бриттам, так и выходцам из Галлии (имя некоего/некой *Senu-* из Веруламия может служить одним из примеров: *RIB II. 2501.500*). Весьма вероятно, что Таммони, богатая и влиятельная семья, известная по двум надписям

³⁵ Birley 1980, 115–136; Mattingly 2006, 292–324. Некоторые свои наблюдения Мэттингли развивает с опорой на эпиграфический материал в более поздней публикации: Mattingly 2010.

³⁶ Frere, Fulford 2002.

из Каллевы, представляет собой пример местной знати, успешно инкорпорировавшейся в провинциальные социальные и властные структуры (*RIB* I. 67, 87)³⁷. Однако если оставить в стороне пример Таммониев и ряд потенциально бриттских имен, встречающихся в малых надписях, придется признать, что эпиграфические данные не фиксируют значительного присутствия местного элемента среди городского населения. На наш взгляд, подобное обстоятельство не означает, что бриттов в городах было мало; вполне вероятно, что местное население либо не испытывало потребности, либо не имело возможности оставить свой след в городской эпиграфике.

Вещественные источники также помогают исследователям реконструировать идентичности через анализ повседневных практик, хозяйственной, религиозной и культовой жизни. Учитывая данные эпиграфики, не вызывает удивления, что большинство артефактов представляют собой своеобразный «культурный импорт», который позволял городским сообществам вести римский образ жизни и формировать материальное выражение римской идентичности в провинции *Britannia*. Археологические свидетельства наглядно демонстрируют процессы распространения средиземноморских обычаев, галльских традиций, латинского языка, классического искусства и общеимперских верований. Впрочем, устойчивость некоторых местных традиций (подобных продолжающемуся с доримского времени производству сосудов с отверстиями в Каллеве или непрекращающейся традиции курганных погребений в Дуроверне³⁸) указывает на то, что сообщества городов-центров *civitas* и Веруламия включали не только мигрантов с континента, но и значительное число бриттов, которые часто предпочитали «держаться корней». Более того, подобная ситуация могла иметь место даже в случае с Камулодуном: на сосуществование бриттов и римлян внутри городского сообщества могут указывать как один из пассажей «Анналов» (Тас. *Ann.* XIV. 32.4), так и археологические свидетельства о ритуальной активности в районе Госбекс, не прерванной римским завоеванием³⁹.

В целом, имеющиеся источники позволяют увидеть, с одной стороны, мультикультурный характер городских сообществ, с другой — присутствие среди городского населения значительного (и «молчаливого») числа бриттов. Лондиний вновь оказывается исключением из правил: на берегах Темзы находился по-настоящему имперский город, полный мигрантов, иноземных торговцев, должностных лиц из Рима и выходцев из других провинций.

Стоит подчеркнуть, что проблемы, связанные с идентичностями и особенностями социальной структуры городских сообществ, остаются недостаточно изученными, несмотря на наметившиеся в последнее время позитивные сдвиги⁴⁰. Представляется, что вопрос о том, кем были жители юго-востока провинции,

³⁷ Birley 1980, 16.

³⁸ Fulford, Timby 2001; Wallace, Mullen 2019, 100.

³⁹ Hawkes, Crummy 1995, 95–105; Forcey 1998, 92–93; Creighton 2006, 61–63, 130–135.

⁴⁰ Определенный оптимизм внушает развитие методологии исследования (в частности, остеoarхеологии), которое должно уточнить существующие представления. Во всяком случае исследования позднеимперского некрополя в Лэнкхиллс (Вента бельгов) и отдельных скелетов из Лондиния внушают определенный оптимизм. См. Booth *et al.* 2012; Redfern *et al.* 2017. Насколько нам известно, подобное исследование начато и на основе материалов из Дуроверна.

должен иметь первоочередное значение в дальнейших исследованиях провинциального урбанизма.

Несмотря на то, что развитие городов юго-востока римской Британии обладает рядом сходных черт, следует помнить, что в нашем распоряжении нет типичного города, который мог бы служить образцом римско-британского урбанизма. В действительности региональный урбанизм представляется внутренне сложным явлением, а возникновение и судьба каждого из названных городских центров определялись целым рядом факторов. Эти факторы можно объединить в три основных группы:

— *римский фактор*, который включает как активность провинциальных должностных лиц, так и влияние переселенцев (торговцев, солдат, ремесленников, авантюристов и других) из других областей империи, приносивших с собой обычаи и традиции, новые для жителей острова;

— *бриттский фактор*, к которому можно отнести желание и способность местной знати участвовать в процессе урбанизации, присутствие в городских сообществах бриттов, сохранявших (хотя бы частично) свои идентичности и привычки;

— *географический фактор* — расположение поселения, его отношение к существовавшим системам коммуникаций и торговли, связи с доримскими населенными пунктами и религиозными центрами.

В каждом случае римско-британского урбанизма мы можем видеть различные комбинации этих факторов. Если стратегически выгодное положение совпадало с особым вниманием провинциальных властей и отсутствием местного влияния, как в случае с Лондиниумом, то возникал город, в котором преобладало римское начало. Если среди бриттских племен находились элиты, заинтересованные в интеграции в новое провинциальное общество и способные заручиться поддержкой римских властей, появлялся римско-британский город, подобный Каллеве или Веруламию. Неудобное расположение, отсутствие значительного числа мигрантов и активных проримских групп обрекало городское поселение на медленное развитие — такой оказалась судьба Венты бельгов. «Пазл» города в каждом случае собирался несколько иначе, поэтому, возможно, исследователям будет уместнее говорить не о единообразном и общем урбанизме на юго-востоке провинции, но о различных *урбанизмах*.

Литература / References

- Baryshnikov, A.E. 2012a: [History of Roman Britain without romanization: the concept of D. Mattingly]. *Studia Historica* 12, 284–295.
Барышников, А.Е. История римской Британии без романизации: концепция Д. Мэттингли. *Studia Historica* 12, 284–295.
- Baryshnikov, A.E. 2012b: [Roman Britain and the problem of Romanization: the crisis of the traditional concept and the discussion of new agendas in British classics]. *Vestnik NNGU [Bulletin of Nizhny Novgorod State University]* 6(3), 200–211.
Барышников, А.Е. Римская Британия и проблема романизации: кризис традиционной концепции и дискуссия о новых подходах в английском антиковедении. *Вестник ННГУ* 6 (3), 200–211.

- Baryshnikov, A.E. 2015: [How many Togidubni are needed to conquer Britain?]. In: *Drevnosti [Antiquities]* 13. Kharkov, 38–48.
- Барышников, А.Е. Сколько нужно Тогидубнов для покорения Британии? В сб.: *Древности* 13. Харьков, 38–48.
- Baryshnikov, A.E. 2016a: *Goroda yugo-vostoka rimskoy Britanii I–II vv. kak tsentry kul'turnogo vzaimodeystviya [The Towns of South-East of Roman Britain I–II AD as Centers of Cultural Interaction. Unpublished Thesis]*. Kazan'.
- Барышников, А.Е. Города юго-востока римской Британии I–II вв. как центры культурного взаимодействия. Дисс. ... канд. ист. наук. Казань.
- Baryshnikov, A.E. 2016b: [A study of the towns of Roman Britain in contemporary British historiography]. *Problemy istorii, filologii i kul'tury [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies]* 2, 128–144.
- Барышников, А.Е. Изучение городов римской Британии в новейшей британской историографии. *Проблемы истории, филологии и культуры* 2, 128–144.
- Baryshnikov, A.E. 2020: [Deconstructing imperialism: 'Left turn' and features of the contemporary Romano-British studies]. *Vestnik NNGU [Bulletin of Nizhny Novgorod State University]* 6, 9–17.
- Барышников, А.Е. Разбирая империализм: «левый поворот» и особенности современных исследований римской Британии. *Вестник ННГУ* 6, 9–17.
- Biddle, M. 2020: Winchester: A city of two planned towns. In: A.J. Langlands, R. Lavelle (eds.). *The Land of English Kin. Studies in Wessex and Anglo-Saxon England in Honour of Professor Barbara Yorke*. Leiden–Boston, 26–49.
- Birley, A. 1980: *The People of Roman Britain*. Berkeley–Los Angeles.
- Booth, P., Simmonds, A., Boyle, A., Clough, S., Cool, H.E.M., Poor, D. 2012: *The Late Roman Cemetery at Lankhills, Winchester: Excavations 2000–2005*. Oxford.
- Burton, P. 2019: *Roman Imperialism*. Leiden–Boston.
- Creighton, J. 2001: Burning kings. *Britannia* 32, 401–404.
- Creighton, J. 2006: *Britannia. The Creation of Roman Province*. London.
- Crummy, P. 1997: *City of Victory: Story of Colchester – Britain's First Town*. Colchester.
- Cunliffe, B. 2005: *Iron Age Communities in Britain: An Account of England, Scotland and Wales from the Seventh Century BC Until the Roman Conquest*. 3rd ed. London–New York.
- Forcey, C. 1998: Whatever happened to the heroes? Ancestral cults and the enigma of Romano-Celtic temples. In: C. Forcey, J. Hawthorne, R. Witcher (eds.). *TRAC97: Proceedings of the Seventh Annual Theoretical Roman Archaeology Conference, Nottingham*. Oxford, 87–98.
- Frere, Sh.S. 1987: *Britannia: A History of Roman Britain*. 3rd ed. London.
- Frere, Sh.S., Fulford, M. 2002: The *collegium peregrinorum* at Silchester. *Britannia* 33, 167–175.
- Fulford, M. 2008: Nero and Britain: the palace of the client king at Calleva and imperial policy towards the province after Boudicca. *Britannia* 39, 1–13.
- Fulford, M. 2013: A Review of 'Late Roman Towns in Britain. Rethinking Change and Decline' by A. Rogers. *Britannia* 44, 423–424.
- Fulford, M. 2015a: The towns of south-east England. In: M. Fulford, N. Holbrook (eds.). *The Towns of Roman Britain: The Contribution of Commercial Archaeology since 1990*. London, 59–89.
- Fulford, M. 2015b: Silchester: the town life project 1997–2014: reflections on a long term research excavation. In: T. Brindle, M. Allen, E. Durham, A. Smith (eds.). *Theoretical Roman Archaeology Conference 2014*. Oxford, 114–121.
- Fulford, M., Timby, J. 2000: *Late Iron Age and Roman Silchester. Excavations on the Site of the Forum Basilica 1977, 1980–86*. London.
- Fulford M., Timby J. 2001: Timing devices, fermentation vessels, 'ritual' piercings? A consideration of deliberately 'holed' pots from Silchester and elsewhere. *Britannia* 32, 293–297.
- Garland, N. 2020: The origins of British *oppida*: Understanding transformation in Iron Age practice and society. *Oxford Journal of Archaeology* 39(1), 107–125.
- Haverfield, F. 1923: *The Romanization of Roman Britain*. Oxford.
- Hawkes C.F.C., Crummy, P. 1995: *Camulodunum 2*. Colchester.
- Hill, J.D. 2007: The dynamics of social change in later Iron Age eastern and south-eastern England. In: C. Haselgrove, T. Moore (eds.), *The Later Iron Age in Britain and Beyond*. Oxford, 16–40.
- Hingley, R., Unwin, C. 2006: *Boudica: Iron Age Warrior Queen*. London–New York.
- Hingley, R. 2018: *Londinium: A Biography. Roman London from its Origins to the Fifth Century*. London.

- Hoffmann, B. 2013: *The Roman Invasion of Britain: Archaeology Versus History*. Barnsley.
- Hurst, H. 2016: The textual and archaeological evidence. In: M. Millett, L. Revell, A. Moore (eds.), *The Oxford Handbook of Roman Britain*. Oxford, 95–116.
- Ingate, J. 2019: *Water and Urbanism in Roman Britain: Hybridity and Identity*. London–New York.
- King, A. 2020: Venta Belgarum: What is in the name for Roman Winchester? In: A.J. Langlands, R. Lavelle (eds.), *The Land of English Kin. Studies in Wessex and Anglo-Saxon England in Honour of Professor Barbara Yorke*. Leiden–Boston, 13–25.
- Mattingly, D. 2006: *An Imperial Possession: Britain in the Roman Empire, 54 B.C. – A.D. 409*. London.
- Mattingly, D. 2010: Urbanism, epigraphy and identity in the towns of Britain under Roman rule. In: V.E. Hirschmann, A. Kriekhaus, H.H. Schellenberg (eds.), *A Roman Miscellany: Essays in Honour of Anthony Birley on His Seventieth Birthday*. Gdansk, 53–71.
- Mihajlović, V.D. 2019: Critique of Romanization in classical archaeology. In: C. Smith (ed.), *Encyclopedia of Global Archaeology*. https://doi.org/10.1007/978-3-319-51726-1_3115-1
- Millett, M. 1984: Forts and the origin of towns: cause or effect? In: T.F.C. Blagg, A.C. King (eds.), *Military and Civilian in Roman Britain*. Oxford, 65–75.
- Millett, M. 2005: *The Romanization of Britain. An Essay in Archaeological Interpretation*. Cambridge.
- Millett, M. 2016: Improving our understanding of Londinium. *Antiquity* 90 (354), 1692–1699.
- Moore, T. 2011: Detribalizing the later prehistoric past: concepts of tribes in Iron Age and Roman studies. *Journal of Social Archaeology* 11 (3), 334–360.
- Moore, T. 2017: Alternatives to urbanism? Reconsidering *oppida* and the urban question in Late Iron Age Europe. *Journal of World Prehistory* 30 (3), 281–300.
- Morley, N. 2010: *Roman Empire: The Roots of Imperialism*. London–New York.
- Niblett, R. 1999: *R. The Excavation at Ceremonial Site at Folly Lane, Verulamium*. London.
- Niblett, R. 2001: *Verulamium: The Roman City of St. Albans*. Stroud.
- Perring, D. 2011: Two studies on Roman London: A. London military origins – B. Population decline and ritual landscapes in Antonine London. *Journal of Roman Archaeology* 24 (1), 249–282.
- Perring, D., Pitts, M. 2013: *Alien Cities: Town and Country in Roman Essex*. Portslade.
- Pitts, M. 2010: Re-thinking oppida: networks, kingdoms and material culture. *European Journal of Archaeology* 13 (1), 32–63.
- Pitts, M. 2014: Reconsidering Britain's first urban communities. *Journal of Roman Archaeology* 27, 133–173.
- Pitts, M., Perring, D. 2006: The making of Britain's first urban landscape: the case of Late Iron Age and Roman Essex. *Britannia* 37, 189–212.
- Redfern, R., Marshall, M., Eaton, K., Poinar, H.N. 2017: 'Written in bone': new discoveries about the lives and burials of four Roman Londoners. *Britannia* 48, 253–277.
- Revell, L. 2009: *Roman Imperialism and Local Identities*. Cambridge.
- Rogers, A. 2011: *Late Roman Towns in Britain: Rethinking Decline and Change*. Cambridge.
- Rogers, A. 2013: *Water and Roman Urbanism: Towns, Waterscapes, Land Transformation and Experience in Roman Britain*. Leiden–Boston.
- Rogers, A. 2016: The development of towns. In: M. Millett, L. Revell, A. Moore (eds.), *The Oxford Handbook of Roman Britain*. Oxford, 741–766.
- Sadovskaya, M.S. 1991: [Roman colony at Camulodunum. Towards the issue of Romanization of Britain in the first century AD]. *Iz istorii antichnogo obshchestva [From the History of the Ancient Society]*, 75–86.
- Садовская, М.С. Римская колония Камулудун. К вопросу о романизации Британии в I в.н.э. *Из истории античного общества*, 75–86.
- Swift, E. 2016: The Development of Artefact Studies. In: M. Millett, L. Revell, A. Moore (eds.), *The Oxford Handbook of Roman Britain*. Oxford, 63–94.
- Tikhonova, O.S. 2005: *Rimskie goroda Britanii epokhi printsipata – Londinii, Deva, Eborak [Roman Towns of Britain During the Principate – Londinium, Deva, Eboracum. Unpublished Thesis]*. Moscow.
- Тихонова, О.С. Римские города Британии эпохи принципата – Лондиний, Дева, Эборак. *Дисс. ... канд.ист. наук*. Москва.
- Tomlin, R.S.O. 2006: Was Roman London ever a *colonia*? The written evidence. In: R.J.A. Wilson (ed.), *Romanitas: Essays on Roman Archaeology in Honour of Sheppard Frere on the Occasion of His Ninetieth Birthday*. Oxford, 49–63.

-
- Tomlin, R.S.O. 2016: *Roman London's First Voices. Writing Tablets from the Bloomberg Excavations, 2010–2014*. London.
- Tomlin, R.S.O. 2020: Inscriptions. *Britannia* 51, 471–525.
- Wacher, J. 1975: *The Towns of Roman Britain*. Berkeley–Los Angeles.
- Wacher, J. 1995: *The Towns of Roman Britain*. 2nd ed. London.
- Wallace, L. 2013: The foundation of Roman London: examining the Claudian fort hypothesis. *Oxford Journal of Archaeology* 32(3), 273–289.
- Wallace, L. 2015: *The Origin of Roman London*. Cambridge.
- Wallace, L., Mullen, A. 2019: Landscape, monumentality and expression of group identities in Iron Age and Roman East Kent. *Britannia* 50, 75–108.
- Webster, G. 1966: Fort and town in early Roman Britain. In: J. Wacher (ed.), *The Civitas Capitals of Roman Britain*, 31–45.
- Weekes, J. 2020: Excavations in Westgate Gardens, Canterbury, revealing the changing character of Roman Watling Street, and Durovernum's evolving street layout. *Archaeologia Cantiana* 141, 260–274.
- Wilson, P. 2016: Romano-British archaeology in the early twenty-first century. In: M. Millett, L. Revell, A. Moore (eds.), *The Oxford Handbook of Roman Britain*. Oxford, 43–62.